

Юлия Тупикина, iosono@yandex.ru

Хорошие новости

Шура - 78
Алла – 60
Лёша – 60
Петя – 60
Катя – 30
Володя – 80
Люда (Люся) – 60
Маша – 30

1.

Квартира, в которой живёт Александра Максимовна (Шура), её дочь Алла и её внучка Маша. В гостиной накрыт круглый стол, постелена скатерть, блюда с пирогами, над столом – абажур с бахромой. Около стены – большой книжный шкаф с книгами, фотографии Александры Максимовны (Шуры) в кокошнике, но сейчас она сидит за столом в старом халатике и в бигуди. За столом они все и Володя.

АЛЛА. Сто лет ты нам пирогов не пекла.

ШУРА. Некогда мне. Вчера сижу, думаю – надо. У меня для вас хорошие новости.

АЛЛА. Mam, a ты чего так оделась? У нас гости.

МАША. А пить будем? Баб, ты как?

ШУРА. Сроду её не пила. И тебе, Маша, не советую. У тебя гены слабые, чтобы её пить.

АЛЛА. Ой, мам.

МАША. Так это не «она», это просто вино сухое. Для сосудов полезно, тебе и мама скажет. Да, мам?

ШУРА. Володя, ты как?

АЛЛА. Маша, да наливай всем, конечно. Кстати, с капустой бесподобные, мам.

МАША. Зачем вы рюмок наставили, у нас вино.

ШУРА. Сроду её не пила, а меня всё на свадьбы звали, музыки тогда ж не было, а мне: «Шурка! Пойдём на свадьбу попоём!» И я иду, конечно. На ложках играла, и так пела. Частушек вагон знала.

АЛЛА. Да-да.

МАША. Моя любимая: я по бережку шла, спотыкалася...

АЛЛА. Маша.

МАША. Полна... ну, скажем, попа, карасей навтыкалася.

ШУРА (*смеётся*). Ой, да, я помню, ты маленькая написала её в школу, там у вас фольклор собирали!

АЛЛА. Эта ещё самая приличная была.

МАША. А вот ещё смешная...

АЛЛА. Маша.

МАША. Ну ладно. Ну так чего? Выпьем?

ШУРА. Пить не начинай смолоду.

МАША. Ой, ба.

ШУРА. Советы мои тут втуне пропадают. Ладно. Хорошие новости у меня к вам. Я решила обновить жизнь.

АЛЛА. Мама.

МАША. Мам, ну дай бабушке сказать.

ШУРА. Это Володя. Владимир Петрович.

АЛЛА. Очень приятно. Алла. А это Маша. У нас гости редко, особенно дедушки.

ШУРА. Володя блокадник. Его сюда привезли в сорок третьем, эвакуировали их детский дом. Мать потерял и брата, отца на фронте убили. И он тут так и остался, прописку не дали ему в Ленинграде. Выучился, пошёл на шахту работать взрывником. Взрыв, глаза повредило, ослеп, жена бросила. Так, Володя?

ВОЛОДЯ. Так.

АЛЛА. Ослеп?

ШУРА. А музыкант от бога. (*Володе*) Да-да, не смотри на меня так, от бога.

МАША. Он не смотрит, он слепой.

ШУРА. Ложки освоил. Баян. Но это так, в нагрузку. Как он играет на гитаре!

МАША. Как Джимми Хендрикс? Нет, слушайте, как его? Слепой бы гитарист...

А! Джеф Хили!

АЛЛА (*Маше*). Вот почему ты музыкальную школу бросила? Это же настолько твоё.

МАША. Мама, я тебя умоляю.

ШУРА. Так, вы тут меня не сбивайте чёпопалишными разговорами своими. Я хотела сказать тебе, Володя, вот тут, при всех, что я тоже себе цену знаю.

АЛЛА. О-о-о, началось.

МАША. Мы так никогда не выпьем.

ШУРА. Ты меня не видишь, а так ты бы ты увидел, какая я. Мне семьдесят восемь никто сроду не даёт. Я возраст не скрываю, если сильно спрашивают, так и говорю, мол, так и так, не верят. Ну, говорят, брось, Александра Максимовна, ну шестьдесят пять максимум.

АЛЛА. Мама, ну мне шестьдесят.

ШУРА. Ты меня с собой не равняй. Ты на свой возраст и выглядишь. А я – вот она я! Когда на сцену выхожу, люди радуются. Пою, дробы бью – людям задор поднимаю. Мне ещё Рая, покойница, говорила, ну как ты, Шура, всегда красиво выглядишь. Да, у меня несколько платьев, зато все выходные. Берегу одежду, дома скромно, а на люди – всегда в нарядном. И до сих пор из дома не выхожу как чёпопалишная. (*Маше*) Кто на тебя посмотрит, если ты губ не красишь?

МАША. Ой, ба, я тебя умоляю.

ШУРА. Обливалась пять лет, волосы длиннющие до задницы. Выйду в тапочках, в купальнике, мороз градусов сорок. Обольюся – одно ведро, второе - халатик накинула и домой.

АЛЛА. А на том месте лёд. Я потом на работу пошла и упала, руку чуть не сломала. Трещина.

МАША. Баб, кстати, а чего ты сейчас не обливаешься?

АЛЛА. Да не модно стало. Мама любит, чтоб модно.

ШУРА. Сразу скажу, Володя, я простая, семь классов образования. На Чёрной горке родилась, на Кладбищенской улице выросла. Могилки проваливались

когда, то мы туда ножки свешивали с ребяташками, играли так. Всю жизнь в шахте проработала. Откатчицей, потом депутатом меня выбрали, по магазинам ходила, потом на скипу поставили в морозяку, в двух телогрейках, шаль, валенки, потом грохота, потом на пенсию вышла. И тогда уж искусство своё развернула. Вот такая моя жизнь.

АЛЛА. Так а с Владимиром вы коллеги?

ШУРА. Владимир Петрович он. Да, коллеги. Мы вместе в «Искорку» ходим, там и познакомились. Ну как всегда, первый за искусство.

Все чокаются и выпивают.

Ну так вот, хорошие новости.

Алла быстро разливает всем и быстро выпивает одна.

АЛЛА. Так и чего ты Владимиру Петровичу не рассказываешь про нас? Про себя, главное, да про себя, а мы?

МАША. Да, ба, ты как всегда в своём репертуаре.

ШУРА. Это дочь моя, Алла. Рано родила её. У нас как вышло: пошла я откатчицей в шахту работать после седьмого класса, а там один пристал ко мне, бойкий такой, старше меня: выходи да выходи, а не выйдешь – зарежу. Ну я думаю: ай. И вышла за него. Вот, Алла родилась. Так-то мы жили хорошо, в Ленинград ездили. Получал он хорошо, только дрался. Подерётся в столовой – его на месяц забирают, ну и звали его «тюремщик». А он что, просто нервный характер. Погиб в автомобильной аварии, тридцать лет уже одна я. Алла хорошая, на доктора выучилась. Сердце лечит.

АЛЛА. Я кардиолог.

ШУРА. А это её дочь, моя внучка единственная Маня.

МАША. Мария.

ШУРА. Швейному делу выучилась в Москве, теперь, вот, домой вернулась, устроилась в теплосеть. Тепло людям даёт.

АЛЛА. Mam, ну что швейному делу, как будто швея она.

ШУРА. Ну а кто? Шить умеет, значит, швея.

МАША. Mam, бесполезно.

АЛЛА. Технолог она швейного производства, понимаешь? Технолог. Сто раз объясняла.

МАША. Mam, да пусть швея.

ШУРА. Женщины они обе одинокие, одна вдова, вторая просто старая дева. Нервные.

АЛЛА. Mam, ну ты с такой любовью рассказала – ой да ну как. Хорошо, только Владимир Петрович слышит. Он вообще слышит, кстати, хорошо?

ШУРА. У Алки-то муж на шахте погиб. Тоже, значит, шахтер был, как и ты, Володя. Хороший человек был. Добрый.

АЛЛА. Так и что, любовь крутите на старости лет?

ШУРА. Завидуешь?

АЛЛА. Ну это же смешно, мам. Ну в вашем возрасте. Даже в моём возрасте бесполезно.

МАША. И в моём тоже.

ШУРА. Вы не для этого родились. Вы для работы, а я для любви. Сыграй им, Володенька.

АЛЛА. Может, не надо?

ШУРА. Или я сразу хорошие новости расскажу.

АЛЛА. Ну, пусть Владимир Петрович сыграет, действительно.

Володя играет на гитаре.

ШУРА (*поёт*). Целую ночь соловей нам насвистывал.

Город молчал и молчали дома.

Белой акации гроздь душистые

Ночь напролет нас сводили с ума...

Ну всё, Володенька, пока хватит. А новости такие: я меняю репертуар.

АЛЛА. Господи.

МАША. В смысле?

ШУРА. Если бы Володя был баянист, не меняла бы. Но баян для него – так, а вот гитара... Так что ухожу с фольклора. Будем городские романсы петь. И то пора бы, скоро восемьдесят. Только отходную устроим Михал Иванычу Мартышину нашему, с ложками, ну это через два года только, ему сто лет исполняется, тогда и надену корону. А так в «Искорке» уже сказала: никаких. Стыдоба, когда старуха в короне фольклор поёт и пляшет.

АЛЛА. Mam, тебе бы вообще себя побережь, посидеть дома, ты помнишь, как заболела на дне города? На холоде час плясать, горло драть. В твои годы.

МАША. Да, ба, ты бы лучше в караоке пела, мы ж тебе подарили на юбилей, а ты не поёшь.

ШУРА. Одна без людей, без публики петь не умею. Это во-первых. Во-вторых, вам бы меня заморить, чтобы я сидела дома, болела, коньки отбросила, а вам бы комната досталась, Машка сразу бы тогда мужиков водить начала.

АЛЛА. Мама, что ты такое говоришь?

МАША. Баб, ну ты вообще. Ты чего?

ШУРА. Вы не дослушали новости мои. Володя и я – мы теперь дуэт. Он играет, я пою. Концертное платье уже заказала. Деньги, что на смерть собирала себе, уже потрачены.

АЛЛА. На платье?

ШУРА. Нет, на штаны. И на пиджак. На ботинки. Вот, в общем, всё, что на Володе.

АЛЛА. В смысле?

МАША. Ого.

ШУРА. Володя теперь будет жить со мной. Пенсия у него маленькая, а это несправедливость. Будем добиваться, положена побольше. Он запил, пил, когда всё это случилось. Из квартиры жена выгнала, скитался. Группу ему вторую дали, но надо первую, он же слепой. Будем разбираться.

ВОЛОДЯ. Спасибо, Шура. Спасибо. Спасибо, Шура.

ШУРА. Играй, Володя. Что они понимают в любви? Алка – та вообще сухарь.

Володя играет.

2.

Кабинет кардиолога в поликлинике. Алла ведёт приём. Входит Петя, Алла что-то пишет и почти не смотрит на него.

АЛЛА. Талон.

ПЕТЯ. Пожалуйста.

АЛЛА. Садитесь. Жалобы.

ПЕТЯ. Сердце из груди выпрыгивает.

АЛЛА. Давно?

ПЕТЯ. Нет, недавно.

АЛЛА. Регулярно?

ПЕТЯ. Нерегулярно. Выпрыгивает нерегулярно.

АЛЛА. Так и запишем. Давайте давление померим.

Мерит давление.

ПЕТЯ. Ну как?

АЛЛА. Так себе, сто сорок на девяносто. Давайте я вас на кардиограмму направлю.

ПЕТЯ. Давайте.

АЛЛА. Инфаркты, инсульты были?

ПЕТЯ. Не дай бог.

АЛЛА. А у родителей?

ПЕТЯ. Оба умерли. Он от рака, она от инфаркта.

АЛЛА. Сдайте кровь на липидный профиль. Посмотрим холестерин. Когда именно с вами такое происходит?

ПЕТЯ. Когда стресс. Поживи-ка в Москве столько лет, это киборгом надо быть.

АЛЛА. Так вы не местный?

ПЕТЯ. Теперь местный.

АЛЛА. Какой образ жизни ведёте? Раздевайтесь, послушаем.

Петя раздевается до пояса, Алла слушает его фонендоскопом.

ПЕТЯ. Ну какой. На какой деньги есть.

АЛЛА. Так, мужчина, давайте серьёзно, у меня на каждого больного пятнадцать минут, а вы тут ой да ну.

В дверь заглядывает какая-то женщина со словами «Мне только спросить».

Выйдите!

«Мне только спросить»

Я сказала: выйдите!

Женщина уходит.

ПЕТЯ. Какая вы строгая, оказывается.

АЛЛА. Пьёте?

ПЕТЯ. Ну зачем так сразу? Выпиваю.

АЛЛА. Как часто запой?

ПЕТЯ. Аля, ну неужели я так плохо выгляжу?

АЛЛА. Какая я вам Аля, мужчина!

ПЕТЯ. А родинку не узнала? Родинку возле соска?

АЛЛА. Родинку?

ПЕТЯ (*показывает на свою ключицу*). А вот тут шрам, помнишь его? Ты целовала.

АЛЛА. Я?

ПЕТЯ. Это же я, Петя Коновалов. Ну ты же видишь, фамилия на талоне, на карточке. И что? Нигде не ёкнуло? Что же с памятью твоей, Аличка?

АЛЛА. Петя? Это ты?

ПЕТЯ. Я.

АЛЛА. Что ты здесь делаешь? Ты же в Москве!

ПЕТЯ. Нет, я тут сижу, перед тобой, в нашем городе родном. Я переехал.

АЛЛА. И как ты меня нашёл?

ПЕТЯ. Это не трудно. Ты самый знаменитый кардиолог Прокопьевска.

АЛЛА. Ах, Петя, это ты! С ума сойти!

ПЕТЯ. В общем так, надо нам собраться всем, кого найти сможем, я поищу номера, но не знаю, теперь домашних почти и нет ни у кого, все с мобильными. Ты кого найти сможешь?

АЛЛА. Петя, да они поумирили все, господи. Весь класс наш. Кто спился, кто что.

ПЕТЯ. Ну кто-то жив, нас двадцать пять человек было, я поищу, и ты.

АЛЛА. Люда, помнишь Люду Кузнецову? Люсю?

ПЕТЯ. Люду? Такая курносая?

АЛЛА. Совсем даже не курносая, ты что! Мы с ней со школы дружим, она соседка моя до сих пор.

ПЕТЯ. Не помню Люду, но зови, зови, для компании. (*даёт лист бумаги*) Вот мой телефон. Напиши свой.

Алла пишет телефон. Кто-то снова заглядывает в дверь – «Мне только спросить».

АЛЛА (*пациентке в двери*). Ой ну что вы, женщина. Ну минуточку, пожалуйста!

ПЕТЯ. У меня мурашки от твоего голоса.

АЛЛА. Петя, это ты?

ПЕТЯ. Я, Аля. Я на родину вернулся.

АЛЛА. Боже мой.

ПЕТЯ. А помнишь, тебе сказал, что нас отправили могилки героев помыть, и ты пришла на кладбище, такая в штанишках, с ведёрком, в платочке.

АЛЛА. Боже мой, а там никого!

ПЕТЯ. Да. Обманул тебя. Такое свидание устроил, ну, как умел.

АЛЛА. Боже мой.

ПЕТЯ. Мы целовались.

АЛЛА. Петя.

Снова заглядывает кто-то. «У меня время, я по очереди!»

ПЕТЯ. Позвоню тебе сегодня.

Петя уходит.

АЛЛА (новой пациентке). Ну что, женщина, вы такая пробивная, у вас и сердце из титана, так понимаю. Да-да, сто лет проживёте. А вот я не титановая.

3.

Комната Шуры, Шура и Маши перебирают вещи возле шифоньера.

ШУРА. Какого только барахла не накопила, батюшки свет.

МАША. Ба, посмотри, это что, шёлк?

ШУРА. Видишь, «Дружба» написано? Шёлк, натуральный. Качество настоящее. С Китаем мы тогда дружили, и они такие вещи нам делали.

МАША. Ой, а мне как раз.

ШУРА. Забирай, только не модная она.

МАША. Да ты что, как это немодная, это винтаж! Где она лежала все эти годы? Ты не показывала.

ШУРА. Так, покажи тебе – ты всё порежешь к чертям. Тебе же всё перешивать надо было: хрясь – и откромсала. Кто кримпленовый костюм мой испоганил?

МАША. Кримпленовый? Бордовый? Или голубой?

ШУРА. И голубой! Точно! Забыла уже, как жалко, такой костюм изрезала на тряпки, мне его Груня-покойница уступила, царство небесное, как раз на день шахтёра было.

МАША. Ну, ты вспомнила, пятнадцать лет назад, я тогда маленькая была, что ты, кто старое помянет, тому глаз – вон.

ШУРА. Ты моими глазами не разбрасывайся, я и так видеть плохо стала, морщины в зеркале не нахожу, хоть это радует.

МАША. Из твоего кримпленового костюма вышел модный жилет. Надо же было на чём-то тренироваться. (*достает рубашку*) А это что за фольклор?

ШУРА. Вышиванку эту мы с дедом твоим купили во Львове. Эх, хорошо скатались! Лет по тридцать нам было, или меньше. Алку маленькую оставили маме моей. Тут, видишь, порвано? Купили, помню, мне и ему, оба мы надели свои рубахи-то, идём. У них такая плиточка лежала, удивительно нам было – не асфальт, плиточка, сроду такого не видела. Весна, деревья цветут: вишни, иль абрикосы с персиками, бог его знает, у нас тут таких нет. Мороженое купили, у нас на улице не продавали, а у них стояли, но не в тележках, а каждые пятьдесят метров продавщицы в коробках такими из пенопласта, и прямо на улице тебе, без очереди, как в кино заграничном. Четыре сорта: пломбир в стакане вафельном, пломбир на палочке в шоколаде, эскимо в карамели на палочке и крем-брюле в стакане вафельном. А нам много надо? Мы из Прокопьевска, нам всё в диковину. Пиво в жёлтых бочках продавали, дед твой Лёня нахлестался, конечно. И вот я счастливая такая, мороженое уминаю, а навстречу люди нарядные, как будто в трофейном все щеголяют – и матерьял, и фасон. И один мне улыбнулся, а я ему – ну просто как человек человеку. И Лёня мой – хрясь, и дёрнул за шиворот меня. «А ты ширинку застегни, парень» - это он тому мужчине. Напугал человека. А мне рубаху порвал. Ревновал. Дурак.

МАША. Лён, надо же, белый-белый. Это сколько лет прошло?

ШУРА. Много, детка, много. И деда нет уже давно. А оно хранится.

МАША. А это что за платье? Не видела никогда.

ШУРА. Это мне отрез женщины подарили с работы на день рождение. Тридцать пять где-то было мне, в сорок уже Лёня погиб. Ну и сшила платье. Талия тонющая была, Лёня пальцы смыкал. А грудь высокая. Волосы ниже задницы.

Узел завяжу, так кажется – ого-го! А Раиса Михална из бухгалтерии, покойница, царство небесное, всё говорила: у тебя там, Шура, искусственные, не может быть, что все свои – страсть такая огромная. Ну как-то устроили нам банкет на Новый год. Собрали в ДК. Ну, официальное всё сказали, дальше уж неофициально – кто пить, кто петь, кто драться. А там один Геннадий был, какой-то начальник, не помню. А я что, простая откатчица. И нравилась ему, нравилась, мне и бабы говорили. Ну ладно, нравилась и нравилась, у меня муж, Лёня. Ну, что, Лёню тогда как раз забрали, подрался он, одна я пошла. И этот Геннадий напротив сел так неподалёку на банкете-то, и смотрит. Выпили мы все, конечно. И тут эта Раиса Михална из бухгалтерии опять: мол, да у Шуры не свои, мол, косу купила и закалывает, а может и две косы – шишка-то во! Ну и я встала так, встала, грудь вперёд, было что, пятый размер, и говорю: ну, Раиса Михална, давайте проверим. И узел-то свой распустила. А там – волос! Хлынули как из плотины! Толстенные такие, как конские, густющие! Смотрю, Геннадий-то мой совсем рот открыл, слюнка потекла. Я волосами туда-сюда, туда-сюда, помотала, блестящие такие, стою, смеюсь, а зубы белые-белые, не то, что сейчас, сверкают и ночью. И говорю: «Ну что, Рая, сколько тут чужих кос? Может, и твоя тут есть? Ты, поди, всё свою ищешь, найти не можешь?» А у ней жиденькие волосёнки, коротенькие, кошачья шерсть. Рая губки-то поджала свои бледные. Молчит, молчит Рая, под ногти ушла. Не все бабы меня любили, конечно, не все.

МАША. Какая ты. Вот бы и я так могла.

ШУРА. Как могла?

МАША. Вертеть. Зубами ослеплять.

ШУРА. Да ты не в мою породу. Ну, может, и встретишь кого.

МАША. Кого? Кого тут можно встретить в этом городе?

ШУРА. Ой, а то некого?

МАША. Ну а кого, ба? Если уж в Москве не нашла.

ШУРА. Ну как не нашла, был же.

МАША. Был да сплыл. Только зря пять лет потратила. Пять лет! Вместо того, чтобы карьеру делать... Предлагали уехать на стажировку в Лондон, такой шанс раз в жизни, может. Просто повезло, конкурс выиграла. Ну а я как брошу своего-то на два года?

ШУРА. И правильно, мужиков не надо оставлять одних-то.

МАША. Так не оставила! И что? Ни мужика, ни карьеры. Теперь вот что – оператор котельной, вот такая карьера.

ШУРА. Скажи спасибо, работы в городе нет, а там в тепле сидишь, в потолок поплёвываешь, да сутки через трое, чем не работа? Сиди себе, носки вяжи. Марья Тимофеевна мне так и сказала: будет твоя внучка, Александра Максимовна, довольная.

МАША. Довольная. Уж такая довольная твоя внучка. Пора депрессию лечить.

ШУРА. Ты только не пей. А то у тебя гены слабые. Сперва пить, потом драться.

МАША. Да не пью я. У меня здоровья нет пить.

ШУРА. Я-то всю жизнь в шахте, простая, не начальство. Никогда не рвалась в начальство-то. Зачем мне это? Петь – любила. А командовать – это в сухаря превратишься. Красоту потеряешь, нет уж, пусть мужики в начальники идут. А мы песни петь будем. *(поёт)* На горе колхоз, под горой совхоз, а мне миленький задавал вопрос... *(прекращает петь)* Ой, чё я, у меня ж репертуар другой теперь. *(поёт)* Целую ночь соловей нам насвистывал

Город молчал и молчали дома

Белой акации гроздья душистые...

МАША. А где твой старичок, ба? У тебя же появился старичок.

ШУРА. Петрович? Владимир Петрович на лечении. Ему, чтоб первую группу подтвердить, в больницу лечь надо. Устроила. Я Ольгу Ивановну ещё с «Уюта» знаю, в «Уюте» много раз пела, она там доктором. Пришла к ней, так и так, она говорит: давай, Александра Максимовна, своего Володю, сделаем группу ему. Вот и положила.

МАША. Ба, а зачем тебе Володя?

ШУРА. Он на гитаре играет. От бога играет.

МАША. Нет, ну мало ли кто на гитаре играет? Зачем выбирать самого старого, страшенького и слепого? У него носки дырявые. Он воняет.

ШУРА. Куплю я носки ему. А мыться он не привык, потому что не было у него горячей воды в бараке. Ты в бараке-то не жила. А в баню ходить – деньги нужны, а у него пенсия...

МАША. Может, он тебе нужен для секса?

ШУРА. Чего?

МАША. Для секса. Ну, знаешь, два человека раздеваются голые, ложатся друг на друга...

ШУРА. Ишь, чем голова занята у неё, а! Ишь чего удумала! Ты бы лучше о тепле своём думала – тепло городу даёшь, такая ответственная работа! Требования эксплуатации соблюдаешь? Неполадки выявляешь своевременно?

МАША. Да тише-тише, ты чего, ба?

ШУРА. Безаварийно, экономично работать, бесперебойно снабжать страну углем...

МАША. Каким углем?

ШУРА... Теплом, то есть, город снабжать. У нас Сибирь! Без тепла мы тут окочуримся! Нам тепло нужно! Давай тепло нам!

МАША. Ба, да ты чего как на митинге-то?

Входит Алла.

АЛЛА. Вы что расшумелись? Старые тряпки не поделили?

ШУРА. Тряпки – это у тебя, Алла Леонидовна. А у меня вещи, они и тебя переживут – такое качество делали.

АЛЛА. Ну переживут – так переживут, соревноваться с горжетками твоими молью траченными не буду.

ШУРА. Молью траченными? Где ты видишь моль? Я извела её всю в прошлом веке ещё!

МАША. Ма, бабушка не в духе, пойдём.

Маша и Алла быстро выходят из комнаты, вслед им летят тряпки.

АЛЛА. Машка, а давай выпьем!

МАША. Ты чего, мать?

АЛЛА. Ну а что, у нас же был бальзам какой-то, помнишь, мне больной подарил.

МАША. Да тот вы с тётё Людой выпили уже, но ты коньяк ещё приносила, помнишь, женщина подарила, которая в обморок упала на улице, а ты её откачала.

АЛЛА. Да-да-да-да-да, помню-помню. Ногу сломала она, а не сердце, а всё меня, меня зовут. Но всё таки как приятно спасать людей!

МАША. И тепло давать.

АЛЛА. Да, и дарить тепло.

МАША. Не дарить, почему, они покупают. Коммуналка нынче сама знаешь. Как приятно подавать в город тепло.

АЛЛА. Маш, я тебя иногда не понимаю. Ну что, носи коньяк-то.

МАША. Пить опасно, у нас гены слабые. Пить – потом драться.

АЛЛА. Маш, ты какая-то странная сегодня.

МАША. Это ты странная, мать, чё случилось-то? У тебя даже морщина пропала межбровная. Ты на работе что ли дерябнула уже?

АЛЛА. Людку позвала, давай уже тащи коньяк и там шпроты в холодильнике в углу, я спрятала под морковкой.

МАША. Это с каких пор ты продукты ныкаешь?

АЛЛА. С тех самых, как у нас старичок поселился, мамин любовник.

МАША. Так ты думаешь всё таки любовник?

АЛЛА. Ой, знаешь, я сколько перевидала кавалеров маминых? С тех пор как папа погиб, у нас всегда было кому гвозди забить, кран починить. Один даже табуретку выстругал. А при папе у нас шторы криво висели – потому что у него всё руки не доходили карниз повесить, приходилось маме самой. Зато потом она уже ничего не делала за мужика. Но этот какой-то худой, взгляд голодный, тебе не показалось? Может, он будет по ночам продукты из холодильника воровать.

МАША. Мам, он слепой. Какой такой взгляд?

Из комнаты Шуры доносится пение – это опять «Белой акации гроздь душистые».

АЛЛА. А может, он притворяется? О, Людка пришла!

Входит Люда. Маша уходит.

Люся, за это надо выпить.

ЛЮДА. Что случилось? Новый прибор вам для узи привезли?

АЛЛА. Да нет.

ЛЮДА. Нового доктора прислали?

АЛЛА. Нет, но теплее.

ЛЮДА. Фельдшера.

АЛЛА. Ты его знаешь.

ЛЮДА. Фельдшера? Да я теперь только всех ветеринаров знаю, ты знаешь, сколько я намучалась с этими котами своими.

АЛЛА. Люся, ты упадёшь. Петю Коновалова помнишь? Ну Петя, учился с нами в школе. Красавчик такой.

ЛЮДА. Ну конечно, помню! Он мне письмо любовное написал.

АЛЛА. Петя? Тебе? Да не он тебе написал, ты что!

ЛЮДА. Ну как не он, он, тебе Лёшка Курочкин писал, а мне Петя.

АЛЛА. Да ну глупости говоришь, он мне писал!

ЛЮДА. Тебе? Как тебе?

АЛЛА. Так, мне.

ЛЮДА. Да ладно.

АЛЛА. Ну вот.

ЛЮДА. И что? Любил он тебя?

АЛЛА. Ой да ну как. Более того, продолжает! Он сегодня приходил.

ЛЮДА. Как? Во сне?

АЛЛА. Ну зачем во сне, так приходил, наяву.

ЛЮДА. Да ладно. Он же умер.

АЛЛА. Как умер? Да не умер он, ты перепутала, он в Москву просто уехал.

ЛЮДА. А, ну да, я так и запомнила: или умер, или в Москву. Так и чё? Он чё, вернулся?

АЛЛА. Да!

ЛЮДА. И чё?

АЛЛА. Расчёкалась. Любит меня, обожает, родину тоже любит, сегодня позвонит!

ЛЮДА. Да ладно!

АЛЛА. Да. И номер свой оставил. Вот, жду.

Алла выкладывает на стол свой мобильный телефон. Пауза.

ЛЮДА. Завидую тебе, Алка. Шестьдесят лет – и всё что-то ждёшь.

АЛЛА. Так все мы, Людочка, все мы ждём чего-то.

ЛЮДА. Ну я-то замужем, чего мне ждать. Дождалась.

АЛЛА. Так ты ждёшь, когда твой муж ласты склеит.

ЛЮДА. Да, жду. Но я быстрее склею, вот увидишь. Такая злость берёт. Ну целый день на диване. Все новости, все ток-шоу для домохозяек. Сегодня знаешь что – шоу смотрел, где женщин переодевают. Ну, как там его – «Приговор». Я говорю: Серёжа, ну зачем тебе это, ты же мужик!

АЛЛА. Ой, да какой он мужик, он уже двадцать лет как овощ, ты меня извини. Кроссворды разгадывает, как будто старик. Походка шаркающая у него сразу после тридцати образовалась, прекрасно помню.

ЛЮДА. С другой стороны, верный.

АЛЛА. Стул тоже верный.

ЛЮДА. Зато мой стул. И я на нём сижу.

АЛЛА. Боже мой, да сиди на здоровье, мне сейчас Петя позвонит.

Пауза, Алла и Люда смотрят на телефон.

ЛЮДА. Может, и не позвонит.

АЛЛА. Ну что нового, рассказывай.

ЛЮДА. Да что, у пенсионеров какие новости. Одни хорошие.

АЛЛА. Ой, на пенсию пойду когда, хоть выплусь как следует.

ЛЮДА. Не ходи ты на эту пенсию, Алла. Что хорошего? Живёшь, эти три копейки считаешь. Рыбу сто лет не покупала, всё экономлю. Одна коммуналка вон сколько. А здоровье ни к чёрту, память совсем плохая стала. Утром встану – какой день, какой год – не помню. Помню только, что денег нет. Вот что я делать буду, если у меня коронка сломается? Буду как старуха беззубая ходить?

АЛЛА. Телевизор продашь – хоть какая-то польза от него.

ЛЮДА. Желудок болит. Может, у меня рак?

АЛЛА. Так, Люся, сворачивай свой минор. А то у меня тоже все болячки обостряются.

ЛЮДА. Давление мерила – высокое. Вот пульс пощупай.

АЛЛА. Не буду ничего шупать, я отдыхаю, с работы пришла. Маша! Маша!
 ЛЮДА. А клятву Гиппократа давала.

Входит Маша с коньяком и закуской.

АЛЛА. Наконец-то! Сейчас мы будем Люсю лечить.

Алла разливает на троих, они чокаются и выпивают.

ЛЮДА. А вот муж у тебя был симпатичный.

АЛЛА. Как прекрасно действует на тебя алкоголь.

МАША. Я же на папу похожа, да, тётъ Люсь?

ЛЮДА. Щёки у тебя как у матери.

АЛЛА. Однако же мой симпатичный муж любил эти щёки. Эти, а не, допустим, твои.

ЛЮДА. Вот почему тебе такие красивые мужики всегда достаются? Помнишь, стоматолога?

Алла делает знак Люде, чтобы она молчала.

МАША. А что там со стоматологом?

АЛЛА. Да просто хорошо иметь знакомого стоматолога. Всегда хорошие зубы.

ЛЮДА. А вот у меня не было знакомого стоматолога. Я всегда честная была, верная.

АЛЛА. Ну что, ну раз в несколько лет могу я сходить к стоматологу? А ты вот и не жалуйся теперь на коронки свои. Что-то Петя не звонит.

МАША. Петя? Кто это?

АЛЛА. Мой одноклассник, первая любовь моя.

ЛЮДА. Явился, не запылится.

АЛЛА. Помню, подарил мне папа белый велосипед. Ни у кого такого не было, красивый, белый-белый. И поехали мы с ребятами кататься, куда-то заехали, просёлочная дорога началась, поля. Побросали велосипеды и побежали бабочек ловить. Петя наловил, конечно, больше всех, но выпустил тут же, он добрый был, Петя. Возвращаемся – все свои велосипеды подняли с травы, а я одна на дороге на самой бросила. И мой велосипед лежит искалеченный – грузовик переехал, видно. Реву. А Петя говорит: не реви, дура, дай мне три дня. Посадил меня сзади на свой велик и поехали мы, я так прижалась к нему. И через три дня пригоняет мне мой белый велосипед – абсолютно новый, прям, с иголочки! Вот как, как он это сделал, а? Три дня в гараже спину не разгибал!

ЛЮДА. Да, он такой. Всегда модный: брюки не брюки у него, рубашка – не рубашка, пальто – не пальто. Родители при власти, в горкоме. Всегда любил пыль в глаза пустить. Меня, помню, пригласил на свидание на крышу.

АЛЛА. Да не мог он тебя на свидание пригласить – он меня любил!

ЛЮДА. Ну как не мог, когда мог!

АЛЛА. Да не он это был, ты забыла! Сама же мне жаловалась, что память совсем плохая стала!

ЛЮДА. Ну вот он позвонит, тогда и спросим. Позвонит – и спросим.

АЛЛА. Позвонит – спросим.

Пауза – все смотрят на телефон.

А вот я сама ему позвоню (*Алла тянется к телефону*).

МАША. Мама, не надо, не звони первая!

ЛЮДА. Алла, имей гордость.

АЛЛА. Я просто спросить! Просто спросить!

МАША. Не надо, он сам пусть позвонит!

ЛЮДА. Алла, это не ты ему звонить собралась, это коньяк!

АЛЛА. Это не коньяк, это я!

МАША. Мама, это коньяк.

АЛЛА. Ну пусть тогда его коньяк мне позвонит.

ЛЮДА. Всё чего-то ждём, ждём, так всю жизнь.

Раздаётся звонок в дверь. Маша уходит.

АЛЛА. Что-то сердце у меня из груди выскакивает.

ЛЮСЯ. Что ты хочешь – возраст.

АЛЛА. Да при чём тут возраст, Люся!

Входят Маша, Петя и Лёша. У Пети и Лёши в руках пакеты с едой и выпивкой.

Петя? Лёша? Боже мой! Лёша, это ты? Как вы меня нашли?

ПЕТЯ. Нет ничего невозможного для человека с интеллектом, Аля! Тем более, ты тут жила ещё когда мы в школе учились. А вот как нашёл Лёню – вот это да! Захожу в магазин, представь, а передо мной толстяк. И не подойти к прилавку из-за него, всё загородил, и сопит! Смотрю – ба! Да это же Лёшка Курочкин! Ну, мы обнялись, хоть это и трудно с ним, он же совершенно круглый! И я говорю: Алексей, нам нужно ехать к Але. И мы поехали.

АЛЛА. А это Люся Кузнецова, теперь уже Плотникова. Помнишь Люсю?

ЛЮСЯ. Ну я так изменилась за эти десятилетия.

ПЕТЯ (*не узнаёт*). Люся?

АЛЛА. Ну Люда, Люда Кузнецова, у неё коса была и такой большой воротничок кружевной.

ПЕТЯ. Воротничок?

ЛЮСЯ. Ты, Петя, нисколько не изменился.

ПЕТЯ. Что-то с памятью стало, возраст.

АЛЛА. Столько еды! Надо срочно её на кухню. Люся, поможешь?

ПЕТЯ (*Маше*). А вы, барышня, я так понимаю, дочь Али?

МАША. Да, это вы по щекам догадались?

ПЕТЯ. По чудесным глазам, по изящной форме рта, по...

Петя увлекает Машу на кухню.

ЛЮСЯ. Хоть ты, Лёша, помнишь меня?

ЛЁША. Я не видел вас сто лет, девочки, а живём в одном городе. Вот как так? Соскучился!

АЛЛА. И мы, и мы! Но где ты теперь живешь?

ЛЁША. На Тыргане.

ЛЮСЯ. Вот мы и не видим тебя поэтому. Ну что, расскажи, как жена, как дети, внуки есть?

АЛЛА. Люся, ну ты забыла сказать, что мы Лёшины статьи всегда читали, вот только недавно ты перестал писать, да?

ЛЁША. Да, перестал. Надоело. Журналистика умерла, не криминал же мне кропать. Недавно, слышали случай был? Нефтехранилище чуть не запылало – китайский фонарик летел по небу и туда залетел. Бойтесь желаний своих. Наверное, кто-то пожелал: пусть этот Прокопьевск сгинет, и фонарик отправил. Такие вот хорошие новости.

АЛЛА. А как мама твоя? Она же болела, я слышала?

ЛЁША. Мама умерла, уже лет десять как. Я один остался. Не женат, детей нет. Внуков тоже нет.

ЛЮСЯ. Это даже хорошо: вон у меня муж лежит на диване как бревно, пиво пьёт, а по утрам соду – борется с окислением. Сын спутался с какой-то сумасшедшей, родился внук, хулиган, прости господи, в общем, одному хорошо. Только кошек не заводите: я, вон, завела, а они болеют и болеют, должны меня от стресса спасать, а они мне его прибавляют только.

ЛЁША. Раньше думал: как хорошо одному, мечтал об этом. Мама всё время дома, а мне женщину некуда привезти. Бывало, говорю ей: мама, может, ты погуляешь, тебе гулять надо. Она тогда нормально себя чувствовала ещё. Идёт, гуляет где-то. А я с этой женщиной маюсь: всё думаю, как там мама? Никакого удовольствия, чувство вины, удар по мужскому.

ЛЮСЯ. Надо было тебе, Лёша, жениться. А то удовольствие ему подавай.

ЛЁША. Так я хотел – Алла не захотела же.

АЛЛА. Ой, не будем об этом, дела давно минувших дней...

ЛЁША. Вся жизнь наперекосяк у меня.

АЛЛА. Ой да ну! Это всё не так, не так...

ЛЮСЯ. Ну, зато теперь можно. Алла уже вдова, давно вдова. Ты один. Мама не мешает.

ЛЁША. А теперь зачем я Алле нужен, посмотри на меня? У меня не сегодня-завтра инфаркт, а она на работе, других спасает, ха-ха-ха!

Входят Петя и Маша, они накрывают стол.

ПЕТЯ. Как же я соскучился по родине! Аля, ну как я жил все эти годы без тебя?

ЛЮСЯ. Мог бы и приехать, полжизни в столице, а родину и не вспоминал. И Алю свою забыл.

ЛЁША. В самом деле, Петь, что же ты не приезжал?

ПЕТЯ. Дурак был. Вся эта мишура столичная – всё это таким важным казалось. Тусовки-тусовки, выставки-фигиставки. А корни здесь. В этой серости нашей сибирской. В угольной пыли, которая висит в воздухе.

АЛЛА. Как ты хорошо сказал, Петя.

ПЕТЯ. В настоящих людях, настоящих, я это понял, открытых, добрых сибиряках.

ЛЮСЯ. Тут на почту пришла, посылку хотела тёте отправить, совсем старуха, болеет, одинокая, но не будем об этом. А у них коробок нет. И пакетов нет. Так эта с почты мне чуть в глаз не дала, когда я спросила – когда же у нас почта нормально работать будет. Наорали, такие вот добрые сибиряки. На улицу вечером выйти боишься, там добрые сибиряки бродят, на дозу ищут да на бутылку. Раз у меня шапку зимой сорвали, норковую, прямо с головы...

АЛЛА. Ой, Люсь, ну что ты нам этот негатив, Петя совсем про другое.

МАША. Я понимаю, о чём Пётр говорит.

АЛЛА. Пётр Васильевич тебе он.

ПЕТЯ. Да просто Петя.

МАША. Всё же где родился – там и пригодился, а большой город у тебя все силы высасывает. Домой приезжаешь – и спишь, и спишь. На выходных спишь. Вообще, всегда только и спишь, потому что ну вот нет никаких сил опять в эту толпу, эту вечную толпу везде, всегда, метро, метро, метро.

ЛЮСЯ. Зато теперь у тебя в котельной благодать, тишина, толпы нет. Сил – просто лавина. Энергии – хоть город освещай! Ты теперь мир перевернёшь, Мария!

АЛЛА. Люся, ну что ты к ребёнку пристала.

ПЕТЯ. А давайте уже выпьем за встречу. И за мои будущие пейзажи с родины! За мой успех!

Все чокаются и выпивают.

ЛЁША. А я люблю Прокопьевск. Это странно, конечно. Тут женщины красивые. Они каблуки носят. Даже по льду, по снегу.

ПЕТЯ. Да, да, это так трогательно!

АЛЛА. Ну мы сопротивляемся, да, холодному климату.

ЛЮСЯ. Ну ты-то, Алла, как доктор, должна знать, как это вредно, и сколько ног ломают! И варикоз от каблуков.

ЛЁША. Не задумываются многие мужчины о сексуальной жизни, не развивают. А ведь это такая важная часть бытия. Я не женат, и поэтому интерес остался. Вот каблуки – это же фетиш. Сама эта походка (*показывает походку на каблуках*). Это же такая возбуждающая неустойчивость.

ЛЮСЯ. Возбуждающая смех неустойчивость.

АЛЛА. Петя, ну расскажи, как ты жил все эти годы? А то мы тут в глуши новостей не знаем. Жизнь где-то там.

ПЕТЯ. Жил? Женился-развёлся, женился-развёлся, так и жил. Дети все там, трое у меня, внуки есть. Картины писал. Но в Москве всё куплено, не пробиться. Если ты не в тусовке – всё, никакой карьеры. И там же как – все выпендриваются, художники: дерево-не дерево, лошадь-не лошадь, человек-не человек. А у меня дерево – так дерево, лошадь – так лошадь, человек – так человек! А кому это интересно?

ЛЮСЯ. Никому.

ПЕТЯ. Людям это интересно! Простым людям. Церкви, золотые купола. Берёзки. Русские красавицы. Доброе искусство, не провокация какая-нибудь. Но тусовка не понимает, что они, они «фи», персональную выставку пробить – это сколько сил нужно! Вот если бы у меня лошадь была из треугольников или в колючках как ёж – был бы модный. Ну ничего, тут все связи подниму, тут у меня есть приятель, он культурой занимается, он на выставку меня звал, как их, «Духовные скрепы» или как-то так, неважно, и персональную устроим. Лёша, вон, жалко, не работает, а то бы обо мне все газеты написали!

ЛЁША. И так напишут. И газет не осталось, и писать им не о чем. Слышали, внучка бабушку свою обворовала: бабка пенсии свои копила на смерть, а та всё выгребла на водку.

ЛЮСЯ. Добрая сибирячка.

АЛЛА. Ну что вы всё о негативе? Всякое бывает. Давайте лучше Пете пожелаем успехов в его искусстве. Как это всё-таки прекрасно: заниматься искусством! А я только и занимаюсь болезнями. Вот на Лёшу смотрю, а сама думаю: группа

риска по инсультам и инфарктам. Лишний вес – это плохие сосуды, как правило. Там ещё диабет присоединяется, сосуды склеиваются, и всё, вплоть до ампутации. Ой, извини, Лёша, я не про тебя, это у меня автоматически так.

ЛЁША. Ничего, и сам про это думаю иногда. Но так мало радости в жизни. Колбаски съел – и уже немножко счастливее. А так – всё равно умрём. Хочу умирать не в одиночестве, а с колбасой.

ЛЮСЯ. Вот это вы о позитиве заговорили, вот это я понимаю!

АЛЛА. Ой, извините, я всё о работе, о работе, а больше ничего у меня в жизни нет, кроме неё. Но у нас много позитивного! Смертность снизилась в области, была пятьдесят процентов кардиологическая, от всех смертей половина, а теперь сорок шесть процентов! А всё почему – кардиоцентр появился. Раньше же, когда только пришла работать – только фонендоскоп и был у меня, что там сделать можно. А теперь мы уже коронарное шунтирование делаем, как весь мир!

ПЕТЯ. Давайте выпьем за это! Ура!

МАША. Mam, ну ты кроме работы о чём-нибудь можешь?

АЛЛА. О чём? Об искусстве? Ничего не понимаю в нём. Я тёмная провинциалка.

ПЕТЯ. Ничего, Аля, сделаем из тебя светлую, мы тут сейчас разведём культурную жизнь, будешь ко мне на выставки ходить, всё будет. Портрет твой напишу.

АЛЛА. Боже мой, Петя, как хорошо, что ты приехал!

ЛЁША. Помню, Петя приезжал, какой это год был? Когда нам по двадцать где-то было. Ты, Алла, на врача училась, я на журналиста, Люся – не помню, на кого, и все мы на каникулы домой приехали.

ЛЮСЯ. На учительницу я училась. Там проще поступить было.

ЛЁША. Летом, помните? Летом приехали, и Петя, такой франт, из столицы, модный.

ПЕТЯ. Да, джинсы у меня были, достал, почти американские. Куртка кожаная.

МАША. Какая красота, я представляю.

ПЕТЯ. И волосы такие были, до плеч. Я тут как инопланетянин ходил, все пялились.

МАША. И волосы длинные? А фотографии остались?

АЛЛА. Остались.

ЛЁША. Мы как раз с твоей мамой роман крутили, а Петька приехал, и её у меня отбил.

МАША. Как это? (*Лёше*) Вы встречались? (*Пете*) И вы? (*Алле*) Ты не рассказывала, мам.

АЛЛА. Ой, Маш, ну это так давно было. И вообще, к чему это всё сейчас, Лёша, целая жизнь прошла.

ПЕТЯ. Ну прости, прости, друг, что отбил твою девушку, ха-ха! Да, Маш, я пользовался успехом. Ну это же так естественно: девушки любят красивых, а если портрет предложишь написать её, позовёшь в студию или на пленэр, то всё, она твоя.

ЛЮСЯ. Да, и мне предлагал. Но я не пошла.

АЛЛА. Ты молодец, Люся.

ПЕТЯ. Правда? Люся, а я и забыл, надо же, но что делать – молодость, молодость!

АЛЛА. Лёша, наверное, сейчас, с высоты своего жизненного опыта, я бы не поступила так, как тогда.

ПЕТЯ. Аля, да брось, ну что ты!

АЛЛА. Не поступила бы так. Хочешь, давай как-нибудь встретимся, Лёша, повспоминаем. В конце концов, можем в кино сходить вместе.

ЛЁША. Наверное, я однолюб. Так и люблю ту юную гибкую девушку. И всю жизнь любил – встречался только с юными, ха-ха! И вот мне шестьдесят, а всё юные нравятся! Ха-ха! Всё-таки есть какая-то тяжесть в ровесницах, весь этот груз житейского опыта, складки мудрости.

ПЕТЯ. Короче, Аля, не хочет он с тобой идти в кино. А я хочу, давайте, сходим, девчонки. Аля, Маша?

МАША. Да, давайте сходим!

ПЕТЯ. Или давайте скандинавской ходьбой вместе заниматься, это тема! В Москве все ходят-ходят, в любом парке и так, по улицам.

ЛЮДА. Что дурно – то потешно.

АЛЛА. Скандинавская ходьба – прекрасно! Лёша как раз сбросит весь свой груз житейского опыта и складки мудрости.

ПЕТЯ. Вообще, давайте дружить! Я вас и с женой познакомлю.

АЛЛА. Так ты женат?

ПЕТЯ. Да, женился недавно. Она хорошая, заботится обо мне. Готовит вкусно.

АЛЛА. И ты её привёз из Москвы?

ПЕТЯ. Ну да. Привёз. У меня же тут квартира от родителей осталась.

ЛЮСЯ. Разве можно так сразу в лоб. Так хорошо сидим. И тут – на тебе: жена-москвичка.

ПЕТЯ. Да не москвичка она, тоже, как и я – понаехавшая. Да вы с ней подружитесь, она добрая.

ЛЁША. У Петьки всегда несколько баб одновременно, вы что, не знали?

ПЕТЯ. Ха-ха! Ну что я могу поделаться? Нравлюсь людям.

Входит Шура. Её не узнать: волосы уложены в высокую причёску, чёрное бархатное платье в пол, жемчуг, макияж.

АЛЛА. Мама?

ШУРА (*поёт*). Целую ночь соловей нам насвистывал

Город молчал и молчали дома

Белой акации гроздь душистые

Ночь напролет нас сводили с ума...

ПЕТЯ. Bravo! Bravo!

АЛЛА. Мама, я думала, ты там спишь уже.

ШУРА. Напрасно ты, Алла, так думаешь обо мне. Ну что, угостите напитком?

ЛЮСЯ. А пить ей нельзя.

МАША. Ба, а ты не узнаёшь этих мужчин?

ШУРА. Немного тусклое освещение.

АЛЛА. Mam, ну это же, представь, Петя Коновалов, из Москвы приехал. Помнишь Петю? А это же Лёша Курочкин, помнишь? Он такой худой был, как палка.

ШУРА. Мальчики. Боже мой, Петя, ты же мне тогда сумки помог донести, помнишь?

ПЕТЯ. Сумки? Я уже не помню. Какая у вас хорошая память, Александра...

АЛЛА. Максимовна.

ПЕТЯ. Александра Максимовна. И вы совсем не изменились внешне, хотя, нет – вы как-то удивительно похорошели. Эти красивые тени, они как благородная патина.

ШУРА. Я тронута, благодарю, Петя.

АЛЛА. А Лёшу? Помнишь Лёшу?

ШУРА. Лёша. А-а-а! Лёша стихи писал и сочинения.

ЛЁША. Да, Александра Максимовна, я и сейчас пишу.

ШУРА. В таком случае ты, Лёша – кстати, ничего, что я на «ты»? Старухе всё можно.

ПЕТЯ. Красивой женщине всё можно.

ШУРА. В таком случае, ты, Лёша, должен написать несколько песен для моего нового репертуара.

ЛЮСЯ. Понеслась душа в рай.

МАША. Бабушка настырная у нас.

ШУРА. У меня новый этап в жизни. Во-первых, новый спутник. Хотя, впрочем, я формально ещё не расписана, ну вы понимаете.

ЛЮДА. И слова какие – «впрочем», «формально». Тётя Шура, не узнаю вас в гриме.

ЛЁША. И незачем торопиться замуж, другой вариант может подвернуться, какой-нибудь художник.

ШУРА. Короче, нужны новые песни. Музыку сочинит мой спутник, человек искусства. А от тебя, поэт, стихи.

ЛЁША. Ну не знаю, годятся ли мои стишки, там много грустного.

ШУРА. Меланхолия – моя тема. Проходит моё творчество насквозь. (*поёт*) Белой акации гроздь душистые невозвратимы, как юность моя!

ПЕТЯ. Прекрасный голос, завораживающий голос.

ШУРА. Благодарю.

АЛЛА. Mam, уже поздно, может, тебе прилечь?

ШУРА. Алла, детка, не понимаю, о чём ты.

АЛЛА. Режим, мама, доктор сказал, отдыхать надо.

ШУРА. Мы не договорили.

АЛЛА. Это мы не договорили. Встретились раз в сорок лет! Дай нам посидеть!

ШУРА. Налей, Петя. Я всегда мужикам помоложе нравилась. Я им удачу приношу. Раз один мой возлюбленный по облигации выиграл. Да-да, машину купил. Он так и сказал: это всё из-за тебя, Шура. А другому карьеру сделала, повысили его, но зря, конечно, потому что не до меня ему стало, кобелю. Вот Алла – она не фартовая.

АЛЛА. Mam. Mam, тебе нужно отдыхать.

ШУРА. Раз в альпиниста влюбилась, но он что, тут же разбился. Я говорю: Алла, то шахтёра твоего завалило, то альпинист разбился, это что же такое? Хоть бы ты повара какого, что ль, выбрала.

ЛЮСЯ. Да он бы пальцы себе обрезал.

АЛЛА. Всё! Хватит! Хватит уже! Надоело! Я устала! Сворачиваем вечеринку!

МАША. Mam.

ШУРА. Нервная с детства была. Раз кружку хрястнула об пол, лет пять ей было, молоко горячее, смотри-ка.

ЛЮСЯ. Алла, красное лицо, таблетку дать?

ШУРА (*поёт*). Сад весь умыт был весенними ливнями
В темных оврагах стояла вода

Боже какими мы были наивными

Как же мы молоды были тогда

МАША. Mam, вот, водички выпей. Почему ты плачешь?

ПЕТЯ. Аля, Аля, посмотри на меня, ты меня слышишь?

ЛЁША. Это срыв. Алла, пойдём со мной, я тебя уложу.

ЛЮСЯ. Она устала, шутка ли, работает шесть дней в неделю с утра до вечера. По телевизору говорили, это болезнь, когда так работают много. От работы кошкидохнут.

ШУРА. Кони, а не кошки. Кони!

МАША. Mam, мам! Скорую вызвать?

ПЕТЯ. Маша, открой форточку!

ШУРА (*поёт*). Белой акации гроздь душистые невозвратимы, как юность моя!

4.

Люда и Алла в магазине спортивных товаров, выбирают спортивную одежду.

ЛЮДА. Ну ты как, сама-то, душно тут. Только с сердцем плохо было.

АЛЛА. Да нормально, Люся, нормально. Просто не выспалась тогда, вот и хлопнулась.

ЛЮДА. Знаю я твои штучки, лишь бы внимание привлечь. Что ты тут роешься полчаса, бери да пойдём.

АЛЛА. Я тебя умоляю, сама же прибежала, помогу, помогу, а теперь ноешь.

ЛЮДА. Душно тут.

АЛЛА. Что, совсем состарилась? Раньше и на каблучицах ходила, и на бигудях спала, ради красоты, и ничего, а теперь душно ей.

ЛЮДА. Так то раньше. На чём только не спала. Да бери уже эти, Алла!

АЛЛА. Я тебя умоляю! Эти старпёрские! Хочу эти, но они смотри, какие дорогие.

ЛЮДА. Да не вижу, очки дома забыла.

АЛЛА. И хорошо, что забыла, спокойнее. Может, розовые взять?

ЛЮДА. Розовые? В нашем возрасте?

АЛЛА. Ясно, надо брать.

ЛЮДА. Зачем вообще покупать втридорога, чтобы с палками ходить? У меня свитер есть болотный, я дам тебе, он как шуба.

АЛЛА. Люся, теперь придуманы новые технологичные материалы, мне твой свитер болотный – до лампочки. Штаны с флисовой подкладкой, худи, выводящее влагу, мне Маня рассказала. Теперь весит это всё как пух, а греет как шуба. И потом, не забывай, мне надо, чтоб красиво.

ЛЮДА. Ерунду придумали, с палками ходить. Надо ходить по делу, в магазин, поликлинику, а так что шляться?

АЛЛА. Как что, может, у меня личная жизнь появится. Впервые за много лет. Могу я перед старостью повеселиться.

ЛЮДА. Нашла веселье с лыжными палками. Только что с сердцем плохо, а она про глупости думает.

АЛЛА. Это называется скандинавская ходьба, Люсь, ты тоже присоединяйся давай, полезно для сердца. И для любви.

ЛЮДА. Алла, ну кто? Кто? Один толстый извращенец, ему молоденьких подавай, другой вообще бабник, жена у него.

АЛЛА. Ой да ну, Люся. Что мне его жена?

ЛЮДА. Вот как ты заговорила. Вот как. Может, ты и мне что-то не рассказываешь?

АЛЛА. Ну что ты параноишь? Вот эти как тебе?

ЛЮДА. Ты мне зубы не заговаривай. Может, и я тебе не помеха?

АЛЛА. Не понимаю тебя. Ты про что, Люсь?

ЛЮДА. Может, тебе по молодости и мой муж того?

АЛЛА. Люся, слушай, ну отстань ты со своим кулём. Кому он нужен? Господи, он уже стареньким родился.

ЛЮДА. Ты мне в глаза смотри.

АЛЛА. Нет, мне Петя всегда нравился. Сижу, смотрю на его форму рта, до чего красиво. Всю жизнь, может, по этим губам скучаю. Честно, Люсь.

ЛЮДА. Так он женатый, Алла. Ты бы лучше на Лёшу смотрела.

АЛЛА. Он толстый и трус. Как же хорошо, господи. По магазинам ходить.

ЛЮДА. В городе врачей не хватает, а она по магазинам шляется,

АЛЛА. Я на больничном, имею право. А потом в отпуске. Куда мне его? Вот и взяла.

ЛЮДА. Симулянтка. Могла бы летом взять.

АЛЛА. Мне и правда плохо стало, переутомилась. А летом куда? Опять к тебе на дачу огород полоть и клещей собирать?

ЛЮДА. Зато зимой картошечка, морковочка, свёколка.

АЛЛА. Люся, я уже скоро совсем старухой стану, а не жила.

ЛЮДА. Не жила, как же. Кому ты рассказываешь?

АЛЛА. Ты опять мне того стоматолога припоминать будешь?

ЛЮДА. А инженера забыла?

АЛЛА. Так это двадцать лет назад было, вспомнила! Всё, в шестьдесят лет имею право делать, что хочу. Хочу – татуировку сделаю. Стерхи. Во всю спину. А на животе узоры.

ЛЮДА. Батюшки свет, совсем рехнулась. Что с тобой, Алла?

АЛЛА. Люська, ну всё, беру эти, розовые, они стройнят. Шапочку у Машки одолжу, молодёжную. Держитесь, мужики!

5.

В парке Петя, Алла и Лёша занимаются скандинавской ходьбой.

ПЕТЯ. Алла, не забывай руки выше поднимать, это нужно для мышц рук.

АЛЛА. У меня уже спина устала.

ЛЁША. А можно помедленнее?

ПЕТЯ. Как же ты, Аля, людей лечишь от сердечно-сосудистых заболеваний, а сама физкультурой не занимаешься?

АЛЛА. Я обруч кручу.

ПЕТЯ. Что обруч? Ты бы ещё сказала – пыль протираю. Этого мало. А вот скандинавская ходьба – это дело.

АЛЛА. Ты такой тренированный, Петя.

ЛЁША. Как лось бежит.

ПЕТЯ. Я в хорошей форме, да. А вот ты, Лёня, почему не в хорошей форме?

ЛЁША. Я занимаюсь интеллектуальным трудом.

ПЕТЯ. Знаю я твой интеллектуальный труд, кроссворды разгадываешь.

АЛЛА. Хорошо идём.

ЛЁША. А можно помедленнее?

ПЕТЯ. Нельзя отрываться от тела, Лёша, нельзя. Тело – источник наслаждений.

АЛЛА. Как ты хорошо сказал, Петя.

ЛЁША. Вот только геморрой вылечу.

АЛЛА. Я тебе подскажу хорошего доктора, Лёша. Мой однокурсник.

ЛЁША. А всё почему? Потому что сидишь, только мечтаешь о женщинах, а у самого-то лет десять никого не было. И уже, наверное, не заработает ничего у тебя.

ПЕТЯ. Помедленнее можно?

АЛЛА. Лёша мне вчера звонил, мы долго говорили о Булгакове. Зря ты так на него, Петь.

ПЕТЯ. Как не умел, так и не умеет с женщинами обращаться. Вяло, Лёша, вяло. Вот если в постели о Булгакове – куда ни шло, но не по телефону. Алла, про руки не забывай.

АЛЛА. Палки тяжёлые.

ЛЁША. А ты-то. Тоже хорош. С три короба наврёшь всем. Женщинам. А они уши-то. И развесили. А я. Зря. Не болтаю.

ПЕТЯ. Я для них живой поток жизни. Я спонтанный, наполненный энергией. Они входят в меня как в реку. И я вхожу в них. Это инстинкт жизни. Молодость. А ты скучный как старость.

АЛЛА. Как ты хорошо сказал, Петь.

ЛЁША. А можно. Помедленнее?

ПЕТЯ. Алла, догоняй!

Петя увеличивает скорость, Алла за ним, Лёша отстаёт.

АЛЛА. Давай подождём его.

ПЕТЯ. Да ну его.

АЛЛА. Неудобно. Вдруг ему плохо с сердцем станет.

ПЕТЯ. Не станет.

АЛЛА. Какой ты быстрый.

ПЕТЯ. У меня всё хорошо, Аля. Всё работает. Я ещё ого-го. Тем более, когда тебя вижу.

АЛЛА. Меня? А что такое?

ПЕТЯ. Всё дрожит внутри.

АЛЛА. Как это?

ПЕТЯ. Так, Аля, всё внутри дрожит, как натянутая струна. Твои глаза. Бёдра.

АЛЛА. Ой, ну какие там теперь бёдра?

ПЕТЯ. Прекрасные бёдра, я всё вижу. Выбери: я или он?

АЛЛА. Прямо сейчас?

ПЕТЯ. Да, Аля, я не выношу конкуренцию, я ревнивый, ты знаешь, я ревнивый очень. Я или он?

АЛЛА. Но у тебя жена.

ПЕТЯ. Это ничего не значит.

АЛЛА. Какое-то дежавю. Ты спрашивал меня прямо этими словами: я или он. Тогда, в молодости.

ПЕТЯ. Мы с тобой на всю жизнь, Аля. На всю жизнь. Это судьба.

АЛЛА. Ты.

ПЕТЯ. Сейчас выходим из парка, ловим такси и едем в гостиницу.

АЛЛА. Как? Вот так?

ПЕТЯ. Вот так, Аля.

АЛЛА. Но я не могу.

ПЕТЯ. Не бойся.

АЛЛА. Боюсь.

ПЕТЯ. Не бойся.

АЛЛА. Боюсь. Я старая.

ПЕТЯ. Со мной ты будешь молодая, Аля.

АЛЛА. Я уже не помню, как это.

ПЕТЯ. Мы всё вспомним, Аля.

6.

Маша и Катя в кафе. Подходит официантка.

КАТЯ. Какой чай возьмём?

МАША. Может, чёрный?

КАТЯ (*официантке*). Мне с лимоном.

МАША (*официантке*). С молоком, если можно. И пирожок с картошкой.

Официантка отходит.

КАТЯ. С молоком? Никогда не видела, чтобы пили с молоком.

МАША. У нас тут в Сибири это популярно. И в Англии тоже.

КАТЯ. И в Англии? Не была ещё. Ну вот, может съездим. Петя напишет картины, продаст, и поедет вокруг света, он обещал.

МАША. Мечтаю. Жалею, что не поехала в своё время в Англию.

КАТЯ. Вообще, не понимаю, как люди куда-то ездят одни? Это же так страшно. Вот приезжаешь ты один в чужой город, сначала ты один в аэропорте или на жд-вокзале, это ужас. Нужно как-то узнать, как выбраться оттуда. И это в России. А что, если в другой стране? Я бы на месте умерла. Всё же девушкам нужна опора, муж.

МАША. Так ты же... - мы на ты?

КАТЯ. Конечно, мы же ровесницы.

МАША. Ты же приехала когда-то в Москву.

КАТЯ. Ну я же не одна. Меня муж привёз. У меня муж был. Я одна бы ни за что.

МАША. И куда он делся?

КАТЯ. Муж? Ушёл. Вернее, сказал: уходи. А куда я? Ужасная история. Скандалы, крики. Думала в Калугу свою вернуться, к маме. Но там скучно, и кого найду? Только памятники Циолковскому. И вот Петю встретила.

МАША. Да, удачно получилось как.

КАТЯ. Да, и сразу от мужа ушла к Пете. Он от жены ушёл ради меня. Ну, у них всё плохо было. Она старая была довольно, и не женственная какая-то, толстая. Не очень о нём заботилась. А тут я. Ласковая, нежная. Я, знаешь, как вкусно готовлю! О!

МАША. Надо к вам в гости прийти.

КАТЯ. Приходи, приходи, конечно. Вообще, так неожиданно получилось! Надо же! Хорошо, что мы встретились. А то я тут никого не знаю.

МАША (*ест*). А сколько вы с Петей, то есть с дядей Петей, вместе?

КАТЯ. Мы, ну, месяц были знакомы, а живём полгода. Расписались.

МАША. И ты тоже хотела приехать сюда, в Прокопьевск?

КАТЯ. Климат, конечно, тяжёлый, но я, знаешь, как жёны декабристов. Это мой идеал. За своим мужчиной хоть куда. Он хороший, не бьёт меня, улыбается. Как-то уважает, что ли. Я его солнышком называю, он меня мышкой. Так приятно.

МАША. Очень мило, да. А на работу ты уже устроилась?

КАТЯ. Нет, женщина должна заниматься домашним очагом. В Москве я, конечно, работала, косметологом, чистки там всякие делала, масочки, это и разбило мой брак. Женщина должна заниматься своим мужем. И детьми. Но нам бог не дал пока. А ты замужем?

МАША. Нет, но готовлюсь, приданое шью.

КАТЯ. Серьёзно? Ну ты молодец! Это так правильно, женщина передаёт через свои руки любовь, и потом, когда муж будет вытираться этим полотенцем вышитым – он же сразу почувствует, что это с любовью, ты его как бы к себе пришиваешь, мужа.

МАША. Да, я тоже так подумала. Сижусь у себя в котельной, шью, вышиваю, благодать.

КАТЯ. Знаешь, ты брюки не носи, это я тебе говорю как женщина. Ты юбки носи, как у меня, видишь? Длинные. Тогда энергия свободно входит и выходит в женщину - снизу. Ты почувствуешь такие ощущения в тазе, в тазу, короче, тут внизу.

МАША. Хорошо, не буду.

КАТЯ. Видишь, эту юбку сама сшила. Много шью.

МАША. Чуть-чуть неправильно скроено, и строчка кривовата. Извини, это профессиональное. А в целом – очень, очень красивая юбка!

КАТЯ. Важно шить самой. Я, может, и Пете брюки сошью, пиджак, только надо в интернете посмотреть, как. Ой, какая у Пети хорошая крёстная дочь! Как хорошо, что ты подошла.

МАША. Ну я смотрю: Петя, дядя Петя, высадил тебя возле магазина, думаю, ну кто, конечно, это жена, он так тебя нахваливал. Волосы такие красивые, ты их не моешь?

КАТЯ. Нет, конечно, волосы портятся от шампуня, я их горчицей сухой натираю. Научу тебя. Это аюрведично.

МАША. Спасибо, дорогая.

КАТЯ. Знаешь, хочу тебе подарить (*достает самодельную куклу и дарит Маше*). Это оберег семейный, но я себе ещё сошью. Я очень уважаю традиции, а ты?

МАША. И я.

КАТЯ. Семья – это святое. И эта кукла – я сама её сшила, кстати – она будет твою будущую семью оберегать. Ты возьми вещь какую-нибудь своего суженного, и сшей кукле из неё платье, там, косынку, что угодно. И тогда он твой, ты как бы пришьёшь его к себе, к семье.

МАША. Спасибо, Катя. Это очень ценно, спасибо.

КАТЯ. Ну и корми, корми его, он тогда как пришитый к тебе будет. От еды не уходят.

МАША. Хорошо. Ну я пойду.

КАТЯ. Уже? Так мало поговорили. Звони мне, женщины должны дружить.

МАША. Хорошо. Я спала с Петей. С твоим Петей мы любовники. У меня его футболка есть. Сошью кукле из неё платье.

5.

Люда и Алла пьют чай. Из соседней комнаты доносится музыка: это Володя играет на гитаре, а Шура поёт.

АЛЛА. Уже два часа репетируют, не надоело им. Живу как в звукозаписывающей студии.

ЛЮДА. Тётя Шура всегда чем-то занята, всю жизнь.

АЛЛА. Чем-то, да не своими детьми. Не мной. Знаешь, Люся, у меня как-то кончилась вся одежда, что-то мало стало, да всё мало стало. В классе восьмом я училась. И носила это тесное, потому что мама занята была. Не до этого ей было.

ЛЮДА. Ну не всегда же не до этого ей было. Я помню, берет у тебя был такой красный, помнишь?

АЛЛА. Красный?

ЛЮДА. Она тебе связала. Я так завидовала тебе, Алка, что у тебя мама такая мастерица.

АЛЛА. И замуж я так и не вышла. Потому что, ну куда? Сюда? Но маме же никто не нравится. Один слабак, другой барин, третий будет пить – так мама решила.

ЛЮДА. Эх, Алла. Да и не больно-то они рвались, значит. Могли бы и тебя увести к себе, зачем сюда? Ты на тётю Шуру бочку не кати.

АЛЛА. Отпуск просрала.

ЛЮДА. Ну хоть выспалась.

АЛЛА. Да, только что. Выспалась.

ЛЮДА. Кто тебе виноват? Говорила, бери летом. На дачу бы поехали ко мне.

АЛЛА. Думала, будем в парк каждый день ходить, скандинавская ходьба. А дома просидела.

ЛЮДА. Ходила бы, палки купила, состояние на штаны да куртки потратила.

АЛЛА. Что я одна, Лёше предложила, он не хочет, да и что мы? Нет, без Пети какая ходьба.

ЛЮДА. А Машка где? Опять пропадает?

АЛЛА. Молчит. Спрашиваю – молчит. Где? С кем? Молчит. Вчера плакала всю ночь – я проверила – подушка мокрая.

ЛЮДА. Влюбилась.

АЛЛА. В кого не говорит.

ЛЮДА. А цветы её?

АЛЛА. Нет, это мне Лёша вчера подарил.

ЛЮДА. Лёша? Тебе цветы дарит? И ты молчишь?

АЛЛА. Люсь, ну это курам на смех. Ну он тоскливый такой. Ну что мы будем людей смешить?

ЛЮДА. С Петей ты не против была.

АЛЛА. С Петей мы же, это, ну... Короче, у нас всё было. Но только один раз.

ЛЮДА. Что?

АЛЛА. Всё.

ЛЮДА. Алла, ты в своём уме?

АЛЛА. Да, Люся, только не кричи, тихо завидовать надо.

ЛЮДА. Ты и он? Как? Это когда вы успели?

АЛЛА. Ну вот так успели, один раз. А потом он пропал. Было хорошо. Не так, как в молодости, совсем по-другому. Почему он пропал?

Звонок в дверь. Люда открывает, входит Лёша.

ЛЮДА. Ну я тебе потом зайду, Алла, И ты мне про это подробно расскажешь. В деталях. Уму непостижимо.

АЛЛА. Проходи, Лёша, садись, вот давай чайку налью. Что-то ты грустный.

ЛЁША. Мамин день смерти сегодня. Маму вспоминаю.

АЛЛА. А мне моя забыть себя не даёт.

ЛЁША. Она последнее время уже плохо помнила. Каждое утро встаёт, к окну подходит: а что это, Лёша, у нас занавески грязные. Я говорю: мам, ну я же вчера их стирал. А она снова: нет, они грязные, посмотри. Наверное, что-то с глазами было у неё. Говорит, это из шахт угольная пыль летит. Я говорю: мам, так шахты все закрыли уже, одна с половиной работает. Как закрыли, говорит, а где же шахтёры работают? Так, говорю, где только не работают: шламбаум поднимают, охраняют, чинят. И она плакала. А я шёл занавески стирать. Каждое утро стирал, уже и спорить перестал, пусть. Грязные – так грязные. Стирал.

АЛЛА. От чего умерла?

ЛЁША. Сердце.

АЛЛА. Сердце. И Геннадий Львович от него. Помнишь, доктор, который в горно-спасательной работал, про него газеты писали? Колосов. Взрыв был, и одному шахтёру ногу завалило бетонными плитами, и Геннадий Львович двадцать часов там, под землёй, ему операцию делал, ногу ампутировал, спас. Всю жизнь спасал, спасал людей. А потом в пятьдесят лет пришёл с поминоком – друг у него погиб в шахте, тоже доктор – и пришёл с поминоком и умер. Сердце.

ЛЁША. Как жалко, Алла, что ты меня тогда не любила.

АЛЛА. Я любила тебя.

ЛЁША. Нет.

АЛЛА. Ну просто дура была.

ЛЁША. Нет, дело не в этом. Просто не любила так, как Петьку. Я зануда, знаю. И довольно инфантильный человек. Тебе не хотелось возиться со мной.

АЛЛА. Лёша...

ЛЁША. Я знаю, знаю. Эгоист, не готов был к отношениям. Ждал, что кто-то меня возьмёт и сделает жизнь радостной. Мамочку, что ли, ждал. Даже не искал, а ждал, пассивно. Ну вот ты и выбрала Петю. Он яркий, он врывается и не спрашивает, как ураган. Он умеет с женщинами обращаться, удивляет их. Кстати, сегодня в десять выгляни в окно.

АЛЛА. А что там?

ЛЁША. Просто выгляни.

АЛЛА. Так уже скоро.

ЛЁША. В общем, будь я тогда тобой, я бы тоже выбрал не меня, а Петю, теперь понимаю.

АЛЛА. Лёша, не будем об этом. Он куда-то пропал, неделю не звонит. Я позвонила, не ответил. И не перезвонил. После той ходьбы нашей пропал куда-то.

ЛЁША. Он всегда такой был, ты забыла. И тогда тоже, помнишь? Он изменил, а ты не простила. И правильно сделала.

АЛЛА. Лёша...

ЛЁША. Ну подожди, мне важно объяснить тебе. Я с тех пор повзрослел. Мамочку нашёл – это моя собственная мама, взял её себе, а папа как тогда уехал с братом в Казахстан, так там они. Папа умер. Брат не следил за ним, а у него

пролежни, он парализованный лежал наполовину. Папа застрелился, у него было оружие. Не могу это брату простить. А мама умерла на моих руках, дольше прожила, конечно, умерла в любви. И вот смерть родителей – это здорово взрослит, знаешь. Это как-то тебя из детства поганой метлой выгоняет. Я теперь понимаю, что значит любить. Я хочу любить. Но мне некого.

АЛЛА. Понимаю тебя. У меня мама, Маша, но это немного не то. Мне бы хотелось так вдохнуть перед старостью, полной грудью. Хотелось бы много тепла, объятий. Но всё это невозможно.

ЛЁША *(протягивает коробку конфет «Рафаэлло»)*. Это тебе. Воздушное, лёгкое, как ты.

АЛЛА. Боже мой, Лёша! Зачем? Да я и не воздушная давно.

ЛЁША. Ты хрупкая и воздушная, ты лёгкая, как пушинка.

АЛЛА. Ты меня поднимал последний раз, когда нам было по двадцать.

Лёша пытается поднять Аллу, Алла верещит, входит Маша.

МАША. Что это вы тут делаете?

ЛЁША. Пришёл навестить Аллу Леонидовну, конфеты принёс.

АЛЛА. Алексей Васильевич плед поправил на мне.

МАША. Какие вы официальные: Алла Леонидовна, Алексей Васильевич. Называйте меня Мария Сергеевна.

АЛЛА. Мария Сергеевна, ты где шляешься? Всю неделю куда-то пропадает.

ЛЁША. Так она взрослая барышня.

МАША. Вот именно. Я гуляла. Встретила Петину жену.

АЛЛА. Да что ж такое, всё об одном.

МАША. Она моя ровесница, вы знали?

ЛЁША. Не удивлён.

АЛЛА. Боже мой.

ЛЁША. Алла, ты только не волнуйся, нам всем вредно волноваться.

АЛЛА. Со мной всё в порядке. Отпуск кончился. В понедельник на работу. Врачей нет, только на сорок процентов мы укомплектованы врачами, кто работать будет?

МАША. Жена у него, конечно, debilка. Шить не умеет. Голова грязная у неё. Ему не такую надо. И не этот город.

АЛЛА. А с кем ты всё гуляешь вечерами, Маш?

МАША. С ним можно об искусстве поговорить. Он тоже обожает Ван Гога. И он бодрый, подтягивается на турнике пятьдесят раз, крокодила делает. Кто так умеет?

ЛЁША. Да, всё как раньше, теми же словами.

АЛЛА. Это кошмар, Лёш, день сурка. Он и в молодости тогда подтягивался, и крокодила. И про Ван Гога рассказывал.

МАША. А чем плохо говорить о Ван Гоге? Вы против Ван Гога?

ЛЁША. Маша, дорогая, мы любим Ван Гога.

АЛЛА. Маша, ему шестьдесят лет.

МАША. Он не дожил до шестидесяти, он умер в тридцать семь.

АЛЛА. Не Ван Гогу, Пете.

ЛЁША. Как же вы надоели мне, со своими зомбо-программами: туда не ходи, сюда не смотри, ну сколько можно? Можно, я сама решу? Можно, я не буду ваши нафталиновые правила слушать?

АЛЛА. Маша, детка, что с тобой?

МАША. Сама всё решу!

Маша уходит.

ЛЁША. Волнуюсь за неё.

АЛЛА. Недавно не знал о её существовании, а теперь волнуешься?

ЛЁША. Какой дурак был. Почему раньше тебе не нашёл? Алла, я похудел на три килограмма за неделю, представляешь? И на той неделе два скинул – уже пять кило ушло.

АЛЛА. А вчера ты зачем мне цветы принёс? Так ты точно похудеешь, вся пенсия на подарки будет уходить.

ЛЁША. И пусть. Мне полезно, стану красивый, стройный. Ты будешь смотреть на меня.

АЛЛА. Скажи, что с ней? Она никогда так не разговаривала со мной.

ЛЁША. Связалась с каким-то уродом.

АЛЛА. Нет, ты не понимаешь, это же классно! Наконец-то она перестала ныть, какая-то злость в ней появилась. Может, она повзрослела, наконец? Чего-то захотела? Ты не представляешь, как я расстроилась, когда она вдруг вернулась из Москвы, такая растерянная, вялая. И снова под мамино крыло, а ведь тридцать лет, Лёш, тридцать! Я уже в тридцать вдовой осталась с ребенком. Надо дерзать, надо искать своё счастье, пробовать, много работать, а она не хочет. Хочет к маме на ручки и ноет, и ноет. А сейчас – смотри – злится. Это крайне любопытно всё. Только вот с кем она шарахается по вечерам?

ЛЁША. Ты, главное, не волнуйся, спокойнее. Рассосётся всё. Мы можем просто погулять завтра вечером в парке, без палок, просто спокойно погулять.

АЛЛА. Только надену новые штаны, что я, зря покупала их. А хочешь, составлю тебе новую диету? И вообще, надо тебя осмотреть, приходи на приём ко мне в понедельник.

ЛЁША. Меня сто лет никто не осматривал.

АЛЛА. Напишу направления тебе, займёшься здоровьем.

ЛЁША. Как мне тебя не хватало.

АЛЛА. Хочешь, оставайся с нами ужинать.

ЛЁША. Да, уже нет, наверное, пойду, темно, поздно. Ты, главное, посмотри в окно в десять.

Звонок в дверь.

АЛЛА. Кто это? Странно. Маша! Маша, открой, это к тебе, наверное!

6.

Алла, Шура, Маша, Володя, Лёша и Петя сидят за столом. Ужин. Петя то и дело подливает себе коньяк и пьёт его один, не дожидаясь других.

ШУРА. Настоящая светская жизнь: ужин в компании интеллигентных людей. Видели бы родители. Они простые люди были. Да и я простая: смеюся, плачу, что с меня взять – семь классов образования. Устала. Язык заплетается. Мы с Володей, Владимиром Петровичем, сегодня много работали, репетировали, новый репертуар. Надо много работать. Работать надо много, Маш. А вы что-то все молчите. Как картошка, Петя, вкусная?

ПЕТЯ. Вкусная.

ШУРА. Сибирская картошка – самая вкусная. Жёлтая, рассыпчатая. Нет такой в Москве, и нигде нет, только в Сибири. Остальные мыло глодают чёпопалишное и думают, картошка. Папа с Алтая привёз несколько картошин, посадил. Мы на Алтае раньше жили, деревня Старая Торба, корова была, лошадь. Хотели нас раскулачить. А чего раскулачивать? Нас трое маленьких ребятишек, мама беременная. Ну папа нас сгрёб и сюда привёз, в Прокопьевск. Всё бросил там: и дом, и скотину. Сами живые остались, спасибо тебе, советская власть. Тогда всех подряд раскулачивали, весь народ. Столько народу погубили. Какие-то вы кислые все сидите. А ну-ка, Манька, сыграй нам на виолончели своей.

МАША. Вот ещё.

ШУРА. Бросила она школу-то, сдуру бросила. Знаю, скучает. Когда никого дома нет – играет.

МАША. Не играю я!

ШУРА. Думаешь, никто не слышит? Все знают. Вот у меня бы инструмент такой был, я бы! А то всё ложки да ложки, частушки да частушки. Всю жизнь пою, а конфетки драной не заработала.

АЛЛА. Mam, ну сколько тебе всяких знакомств дало пение! Ты вспомни, и одежду по благу, и путёвки.

АЛЛА. Да так, иногда, а так всё за свои деньги, всё сама. Устала. Как ты, Володя?

ВОЛОДЯ. Руки натрудил, но хорошо.

ШУРА. Ну ешь, ешь, сил набирайся.

ПЕТЯ. Я неудачник. Бездарный художник. Нет таланта, нет. А что делать? Аля, ты бы могла любить такого как я?

АЛЛА. Пустые разговоры, Петя.

ЛЁША. Шёл бы ты, Петя, домой. Зачем вообще пришёл, неясно.

ПЕТЯ. Маша, тебе надо ехать в Москву. Но не со мной. Я никто, понимаешь? Паршивая овца без клочка шерсти, старая паршивая овца. Мыльный пузырь на полсекунды жизни.

МАША. Неправда.

ШУРА. Повело кота на блядки. Маша, я смотрю, ты совсем заскучала в своей котельной, что на стариков кидаешься.

АЛЛА. Маша! Маша!

МАША. Ну что, мама? Что? Ну да, да, такая я сволочь.

АЛЛА. Петя, ну это совсем уже, знаешь. С матерью и дочерью одновременно.

ШУРА. Вот это новость. Я тут репетирую, а они вон оно чё. Алла, ты-то?

АЛЛА. Петя, ну зачем тебе это всё?

ПЕТЯ. Это сильнее меня, Аля. Понимаешь, сильнее.

ШУРА. Устала, а то бы я вам рассказала, как жить надо. Соседи только милицию вызовут, не буду.

ПЕТЯ. Александра Максимовна, имейте сострадание. Нет таланта! Таланта нет!

ШУРА. На нет и суда нет.

ПЕТЯ. Нет таланта. Картины никакие, пошлые, купола эти пошлые, только колхозникам их продавать. Пейзажики эти яркие, чтоб заметили, купили. Возле дома художника в переходе стоял, продавал, иногда брали за копейки, дыры на обоях закрывать. Не умею, нет таланта! А куда идти? Я даже столяром пробовал, стругал что-то, всё деньги. Работал там, сям, чуть не грузчиком иногда. Деньги-то нужны. Я потому и по бабам, всё по бабам – таланта нет. Они любят, благодарные такие, всё равно любят, хотят очароваться. Подзаряжаюсь

как от розетки. Всё потерял с этими бабами. Квартиры, дети – всё потерял. Три развода. Денег нет. Здоровья нет. Подобрал убогую, чтобы стирала, готовила. Парикмахерша.

МАША. Косметолог она.

ПЕТЯ. Да какая разница. Живёт. Какая-то забота. Всё какой-то человек. Сюда согласилась приехать. Снимать денег нет, а тут квартира от папы с мамой осталась. Жить больше нигде. О ребёнке мечтает – а я операцию сделал, чтобы не дай бог ребёнок. Мне уже шестьдесят, какие дети! Нет денег! Алименты эти всю жизнь, всё надо, надо, всё виноват, плохой отец, теперь выросли хоть. Не платить никому. Увлекаюсь. Увлекаюсь, всё бросаю. Как наркотик это, как алкоголь – любовь. Влюбляюсь – и сразу яркий мир, пульсирует, краски такие чистые, воздух хрустит, свежий такой. Месяц прошёл – не люблю.

ШУРА. Кобель.

АЛЛА. Маша, ты понимаешь, да?

МАША. А ты-то сама, мама, сама-то понимаешь?

ЛЁША. Петь, шёл бы ты домой.

ПЕТЯ. Лёш, ну а ты что здесь трёшься? Ты же унылый, как подушка ситцевая. Она же тебя бросила ещё сорок лет назад! Сорок лет, Лёша! Ты же баба, какой ты мужик? Она каждую родинку на моём теле знала, а с тобой и целоваться не хотела.

ЛЁША. Алла, ты видишь, видишь его, какой он! А помнишь белый велосипед, ну эта история, когда он тебе его выправил, и велосипед стал как новый, помнишь? Так он не выправил. Он украл его. Он рыскал-рыскал, нашёл такой же в точности, новенький, и выкрал, и тебе подарил. А ты сказала: герой, а он не герой, он врун!

Петя выплёскивает в лицо Лёше коньяк. Лёша пытается дотянуться до лица Пети, женщины взвизгивают, начинается драка.

МАША. Петя! Петя!

ШУРА. Вот прекрасно! Соседи милицию вызовут!

АЛЛА. Прекратите! Лёша! Петя! Что вы тут устроили!

Неожиданно вмешивается Володя – он каким-то образом разнимает дерущихся.

ШУРА. Володя! Осторожней!

ВОЛОДЯ. Сядьте. Уймьтесь. Седые люди, устроили тут.

ШУРА. Откуда ты знаешь, что седые, ты слепой.

ВОЛОДЯ. Знаю. Сядьте и сидите. Дома должен быть мир. Должно быть хорошо, безопасно. Дома тепло, любовь. У меня мама умерла. Она просто пришла из госпиталя, где папа лежал раненый. Зима, мороз жуткий, она пешком шла, не ходили трамваи в Ленинграде. Она пришла такая бледная, легла и заснула, вечер был. Брат сказал: пусть спит, не будем будить. И мы тоже легли тут же, на кухне, так теплее было. Утром брат не стал её будить, взял карточки, за пайком пошёл. Принёс, а она не просыпается. Я не понял, мне пять лет было. А он на санки её положил и повёз на кладбище. Я из окна видел, окна заклеены были, но проковырял бумагу и смотрел. От окна дуло. Он вернулся и лёг, стал горячий. Просил пить. Я сходил на улицу, снега набрал в миску железную, на печку поставил. А потом, когда нёс кипяток, пролил, обжёг себе руку сильно.

Очень больно было. Папа умер в госпитале. Брата в больницу увезли. Я один остался. Очень болела рука, опухла, нарывала. Меня одна соседка нашла. Она карточки нашла и меня. К себе забрала. У меня жар, рука совсем болит. В больницу отнесла. Там меня лечили долго, полгода. Один раз нас бомбили. Дом наш сгорел. Зенитка, наверное. Ни одной фотокарточки даже не осталось. Брата так и не нашёл, он пропал. А меня в детский дом сдали, а потом всех нас эвакуировали сюда. Так остался я без дома.

ШУРА. Теперь ты дома, Володя.

ВОЛОДЯ. Спасибо, Шура, спасибо, родная. Что-то устал, пойду лягу.

Володя уходит.

АЛЛА. Ты всегда такая красивая, мама, я когда маленькая была, я только на тебя хотела походить, духами твоими душилась. Ты такая красивая, смелая. Помнишь, как ты в школу меня пришла защищать, когда меня учительница линейкой хрястнула? Она так испугалась. Ты её как будто собралась бить.

ШУРА. Помню, помню лохудру. Я за тебя всех порвать готова была.

АЛЛА. А помнишь, мне нужно было платье на новый год, так ты из своего сшила, своё хорошее нарядное изрезала мне на платье.

ШУРА. Хорошо получилось, Алечка, ты такая красивая была, самая красивая девочка.

АЛЛА. Алечка, ты давно меня так не называла.

ПЕТЯ. Пойду. Меня жена ждёт.

Петя уходит.

МАША. Мама, прости меня. Я не знала, ну, не знала, что у вас с ним что-то. Он не сказал.

АЛЛА. Понимаю. Он всегда такой был. Зачем я снова размечталась?

ШУРА. Да ладно, помечтала разок и то хорошо. Хоть на живую стала похожа.

МАША. Хочу уехать, мама. Туда, на запад.

АЛЛА. Конечно, уезжай. На запад или в любом направлении. Везде есть место. Но только возвращайся иногда ко мне, к старой маме.

МАША. Мне хочется снова попытаться. Ещё не поздно же, ба?

ШУРА. Никогда не поздно, детка. Хорошие новости, что никогда не поздно.

ЛЁША. Алла...

АЛЛА. Как же трудно в нашем возрасте влюбляться, Лёша. И страшно. Все такие испуганные, все боятся, на холодное дуют. Разве бывает так, чтобы всё получилось?

ШУРА. Володя у нас на баяне играл, не его это, но надо было баяниста, хоть какая-то работёнка, копейки, конечно, мотался. И вот он грязный, голодный, пешком идёт чуть не час, ботинки порвались, баян этот сорок килограмм, идёт к нам, раздетый. А нас там пять женщин-ложкарей, все одинокие. А Михаил Иваныч Мартышин говорит нам: девчонки, ну возьмите Володю, ну что он, живёт на Берёзовой, мотается в «Искорку», машина его задавит, не дай бог, он же слепой, а вы все одинокие, с квартирами. Так, Шура отпадает, квартира трёхкомнатная, но дочь, внучка. Галя отпадает, у неё на шее четверо внуков. Эта отпадает, эта. А ну-ка, Люба! А есть у нас там Люба такая, невзраченькая, волосенки реденькие, глазки как у мышки. Ну Люба, ты живёшь одна, двухкомнатка у тебя, возьми Володю. А она: ну чё я, хуже всех. Ладно. Тогда я

его пожалела, так, мол, и так, поставила ему условие, одежду купила, обувь. И вот мы группу получили вчера, а значит, пенсия будет больше, идём с ним. Я пальто достала своё годе, шляпу. Он в куртке этой новой, как-то весь распрямился, довольный, румяный. И Любу встречаем возле магазина. Она смотрит так на меня, на него. И я ей: ну здравствуй, Люба. Она мне: здравствуй, Шура. А я: видишь, Люба, я оказалась хуже всех. Хуже всех.

За окном слышно треск.

ЛЁША. Десять уже.

Алла смотрит в окно – там взрывается фейерверк.

Это для тебя.

АЛЛА. Как красиво. Мне никто никогда не дарил фейерверк.

ШУРА (*поёт*). Как безмерно оно - притяженье Земли,

Притяженье полей и печальных раки,

Всех дорог, по которым мы в детстве прошли,

И дорог, по которым пройти предстоит.

Там горы высокие,

Там степи бескрайние,

Там ветры летят, по проселкам пыли.

Мы - дети Галактики,

Но самое главное -

Мы дети твои, дорогая Земля!

КОНЕЦ